

Научная статья

УДК 94(47)“188/189”:347(09)

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.15

Повседневная судебная деятельность чусовских волостных судей Пермской губернии в середине 1880-х и начале 1890-х гг.

Иван Александрович Попп

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, popp82@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5257-1126>

Аннотация. Микроанализ деятельности волостных судей в Чусовском правлении Пермской губернии позволил воссоздать социальную реальность прошлого и показать повседневность крестьянской общественной жизни на Урале, ее правовые традиции, схемы и нормы человеческого поведения, поступки, оценки действительности, мысли и действия сельских жителей, в том числе и в гендерном аспекте. В рамках исследования удалось определить постоянные составы судей, решавших дела в любое время года на основе традиций и норм обычного права, часто с опорой на позитивное право. В семейных спорах судьи защищали женщин и старшее поколение, но за крестьянские обоюдные ссоры в воспитательных целях применяли принцип — «грех пополам». Женщины активно участвовали в судопроизводстве: каждый четвертый процесс касался сельчанок. За проступки волостные судьи наказывали крестьян денежными штрафами, арестами, общественными работами. Особое внимание автор уделяет процессу снижения количества решений волостных судов, связанных с телесными наказаниями для крестьян, совершавших уголовные проступки. В целом волостной суд эффективно использовали представители сельского и волостного самоуправления, жаловавшиеся судьям на мелкие правонарушения крестьян, особенно за «расстройство собственного хозяйства», неуплату податей, повинностей.

Ключевые слова: повседневность, микроистория, волостной суд, волостное правление, сельский староста, мировой суд, крестьянское самоуправление, обычное право, крестьянка, телесное наказание.

Для цитирования: Попп И. А. Повседневная судебная деятельность чусовских волостных судей Пермской губернии в середине 1880-х и начале 1890-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 3 (47). С. 228—244. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/15_47_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.15.

Original article

Daily judicial activities of the Chusovskaya volost judges of the Perm province in the mid-1880s and early 1890s

Ivan A. Popp

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, popp82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5257-1126>

Abstract. The microanalysis of the activities of volost judges in the Chusovskaya administration of the Perm province made it possible to recreate the social reality of the past and show the daily routine of peasant social life in the Urals, its legal traditions, patterns and norms of human behavior, actions, assessments of reality, thoughts and actions of rural residents, including gender aspect. As part of the study, it was possible to identify permanent panel of judges who settled cases at any time of the year with respect to traditions and customary law, often based on positive law. In family disputes, judges defended women and the older generation, but for mutual peasant quarrels for educational purposes they applied the principle — “sin in halves”. Women actively participated in legal proceedings: every fourth trial concerned village women. For offenses, volost judges punished peasants with fines, arrests, and community service. The author pays special attention to the process of reducing the number of

© Попп И. А., 2023

decisions of volost courts related to corporal punishment for peasants who committed criminal offenses. In general, the volost court was effectively used by representatives of rural and volost self-government, who complained to the judges about minor offenses of peasants, especially for “disturbing their own household”, non-payment of taxes and duties.

Keywords: everyday life, microhistory, volost court, volost government, village headman, magistrate’s court, peasant self-government, customary law, peasant woman, corporal punishment.

For citation: Popp I. A. Daily judicial activities of the Chusovskaya volost judges of the Perm province in the mid-1880s and early 1890s. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 3 (47), pp. 228—244. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.47.15>.

Введение

Разнообразие и многоплановость повседневной жизни вызвали развитие междисциплинарного подхода к изучению данного феномена. Повседневность стала объектом для многих гуманитарных наук и представляет особый интерес для философии, истории, социологии, психологии и культурологии. Например, «исследования историков показали, что в эволюции повседневности отражается состояние цивилизационного процесса в целом, а культурологи рассматривают интеллектуальную составляющую повседневности, ментальность, как фундаментальную категорию, дающую ключ к пониманию духовных феноменов» [21, с. 3].

Сегодня многие российские ученые, изучающие крестьянство нашей страны, используют в исследованиях междисциплинарные подходы повседневности [11; 13; 30; 41], с помощью которых «можно увидеть грани общества, ускользающие от традиционного научного видения» [18], и в рамках антропологически ориентированной истории обратить пристальное внимание на человеческий опыт и судьбы отдельных людей [23, с. 5]. Методология подобных исследований позволяет воссоздавать и объяснять ушедшую действительность «изнутри», т.е. через понимание образа мыслей и действий индивидов как социальных акторов [31, с. 4], в рамках отношений интерсубъективности обобщать опыт повторяющихся коммуникаций и смыслополагания определенной группы людей, обладающих общностью установок и воззрений [5, с. 9].

Историк В. Б. Безгин еще в 2004 г. отметил, что «научное осмысление крестьянской повседневности находится только в начале своего пути. Предстоит еще долгая и кропотливая работа, чтобы познать и понять будни крестьянского мира ушедшей эпохи» [3, с. 302]. Впоследствии в русле изучения истории повседневности В. Б. Безгин предпринял фундаментальные исследования традиций, трудовой деятельности, форм землепользования, общественного уклада, правовых воззрений, духовной жизни и семейного быта крестьянского населения губерний Центрального Черноземья. Особое внимание ученый уделил гендерным исследованиям в период поздней империи и пришел к выводам, что модернизационные процессы изменили положение крестьянок за счет расширения социальной мобильности, развития товарно-денежных отношений, причем женщины — «самая консервативная часть села — оказались наиболее восприимчивы, а самое главное, готовы к коренным переменам в традиционном укладе села». Подобный процесс подтверждался ростом самосознания сельской женщины, в том числе увеличением числа обращений крестьянок в волостной суд: «По мере развития правовой культуры села, роста правового сознания женщины крестьянки все чаще и решительнее стали обращаться в судебные инстанции с целью отстаивания своих имущественных прав и законных интересов» [4, с. 49, 57, 107].

Изучение истории в контексте повседневности отдельных групп населения или общественных институтов позволяет глубже понять человеческие действия, их поступки, схемы поведения, говорения, оценки действительности и в итоге объективно воссоздать социальную реальность прошлого. Вместе с тем «ни одна проблема макроуровня не может

быть эффективно решена, пока она не будет рассмотрена с точки зрения микросоциальных отношений, в частности в плоскости повседневности, где формируются механизмы взаимопонимания и взаимодействия» [27, с. 4], поэтому применение микроисторического анализа в исследованиях, связанных с развитием повседневной правовой культуры сельского населения в пореформенный период, предполагает «уменьшение масштаба наблюдений до уровня личных взаимодействий или частных жизненных историй» [14, с. 9], но является наиболее эффективным способом познания противоречий в области первичных смыслов, традиций, норм, ценностей и ритуалов крестьянского «мира».

Краеугольным камнем развития правовой культуры сельского населения после освобождения от крепостного права в 1861 г. являлся волостной суд [26], который включал в свой состав не менее трех избранных крестьянским «миром» судей, разрешавших дела между сельскими жителями ценой иска до 30 руб. (уголовные проступки) и 100 руб. (имущественные споры). За мелкое воровство, мошенничество, драку и др. волостной суд приговаривал к наказанию до шести дней общественных работ либо к денежному взысканию до трех рублей, либо к аресту до семи дней, либо к телесному наказанию до 20 ударов розгами. Волостные суды современники относили к категории коллегиального местного суда [32, с. 6], интегрированного в систему крестьянского самоуправления: «Пусть, говорят, живут, распоряжаются и судятся они по своим обычаям и потребностям, сами собою, и пусть вырабатываются таким образом из этой самостоятельной жизни, сами собой, органически, формы местного суда. Чиновничество же должно оставаться в стороне, только для наблюдения за исполнением обязанностей крестьян в отношении к правительству и начальству» [20, с. 367].

Таким образом, историография повседневности обширна и многогранна. Современные авторы используют теорию повседневности и микроисторического анализа в изучении крестьянского быта, человеческого мировоззрения, поведенческих стереотипов, хозяйственного устройства и правовой культуры. Сегодня необходимо уделять особое внимание комплексным региональным исследованиям, направленным на изучение повседневности отдельных пореформенных институтов крестьянского самоуправления, в том числе и волостного суда.

Целью статьи является изучение повседневной судебной деятельности чусовских волостных судей Пермской губернии для воссоздания социальной реальности прошлого и представления крестьянской общественной жизни на Урале, ее правовых традиций, схем и норм поведения, описания поступков и оценок действительности уральских крестьян, в том числе и в гендерном аспекте.

Задачи исследования: анализ проблем организации волостного суда и деятельности судей, изучение причин возникновения трудностей при реализации судебной деятельности в крестьянской среде, выявление способов решения сложных вопросов между тяжущимися при судопроизводстве на основе сложившейся правовой культуры.

Территориальные рамки исследования обусловлены административными границами Пермской губернии, основное внимание автор уделяет Чусовской волости, находившейся на северо-востоке Пермского уезда, включавшей населенные территории реки Чусовой и два поселения — Нижний Чусовской и Верхний Чусовской городок, а также домохозяйства ряда сельских обществ.

Хронологические рамки исследования локализованы несколькими годами пореформенного периода. На основе микроанализа книг для записи решений волостного и третейского судов Чусовского волостного правления Пермского уезда Пермской губернии за 1885, 1891 и 1892 гг. автор предпринял анализ делопроизводства волостных судей одной волости Пермского уезда за несколько хронологических периодов, что обусловлено

сохранностью исторических источников в фондах Государственного архива Пермского края. Книги для записи решений волостных судов являются массовым, но мало исследованным историческим источником, который состоял из коротких записей решений волостных судов по гражданским спорам и уголовным проступкам крестьянского населения конкретных волостей.

Результаты исследования

Чусовские волостные судьи рассмотрели с января по декабрь 1885 г. 105 дел, из которых 60 — имущественные иски, а 45 относятся к крестьянским проступкам. В этот период от 76 до 96 дел решили следующие волостные судьи: Алексей Юрганов, Михайл Зелгин и Иван Кожевников. Именно они являлись основной тройкой Чусовского волостного суда. Иногда их заменяли еще трое судей — Михайло Красных, Михайло Бряшкин и Степан Пахарчук, которые рассмотрели за год от 5 до 30 дел [10, л. 1—92]. Судьи собирались на протяжении всего года от одного до трех раз в месяц по мере поступления жалоб от сельских жителей.

В 1891 г. другой состав волостных судей рассмотрел уже 125 дел, из которых сохранилось лишь 7 дел за декабрь 1891 г.: 5 исков касались нарушения имущественных прав, а 2 — связаны с крестьянскими проступками. Следующий комплекс проанализированных материалов относится к 1892 г., когда с 10 августа по 30 ноября этого года волостные судьи рассмотрели 51 судебное дело: 22 гражданских иска и 29 крестьянских проступков, а всего в этом году было рассмотрено 175 судебных дел [8, л. 2—12; 10, л. 1—55].

В 1891—1892 гг. основной состав волостных судей — Николай Попов, Федор Ваулин, Григорий Мосеев, однако Попов вошел в основной состав тройки судей только в 1892 г. и на заседаниях за 21 сентября этого же года вместо Ваулина подключался еще волостной судья Тимофей Бобриков [9, л. 21—26]. В большинстве случаев судьи рассматривали дела втроем (это минимальное количество судей, требовавшееся при судопроизводстве [26, с. 155]). Судьи были безграмотны, но имели собственные печати, которые ставили под каждым протоколом, заверяя достоверность записанных сведений.

При решении судебных дел волостные судьи действовали на принципах обычного права, которые могут быть сведены к следующим лаконичным народным поговоркам: «Должен — плати. Не должен — не плати. Нанялся — проданся, отжился — выкупился. Рукам воли не давай, а языком болтай. Пьян да умен — два угодыя в нем. Пьян то пьян, а об стену головой не бьется. Чужого не бери и своего не упускай. Твоя скотина — ты за ней и смотри (относительно потрав). Замужняя женщина, баба — отрезанный ломоть. Чья яблонька, того и яблочки. Чья корова, того и молочко. Чья обротка (недоуздук), того и лошадка. Чья овечка, того и шерсточка. Написано пером, не вырубись топором» — все это соответствовало общероссийским крестьянским взглядам [37, с. 177—178]. При этом в некоторых процессах судьи ссылались на действующее законодательство, например на устаревший сельский судебный устав, на основании которого принимали решения о наказаниях крестьян [8, л. 2—3, 8—10; 9, л. 10—18].

В рамках 107-й ст. Общего положения 1861 г. волостные судьи обязаны были склонять тяжущихся к примирению: «Если стороны примирились, то должны в то же время объявить, что одна уступает, или чем вознаграждает другую, и каким образом должно последовать удовлетворение» [26, с. 157]. Однако ни в одном протоколе чусовских волостных судей за 1885, 1891—1892 гг. не выявлено случаев примирения тяжущихся. Даже в простых имущественных спорах, где ответчики не отрицали своей вины, судьи либо вообще не упоминали о примирении, либо отмечали, что «примирения не состоялось», и оглашали решения. Так, в 1891 г. крестьянин Михаил Балахонов просил присудить в его пользу с крестьянина Федора Бауева 35 рублей за убитую срубленным деревом ло-

шадь. Ответчик и истец сходились во мнении о непреднамеренном и случайном происшествии, но стороны не пошли на «мировую», а судьи назначили с ответчика в пользу истца денежную компенсацию в размере 30 рублей. В крестьянском гражданском споре Онисим Кучумов потребовал с Дмитрия Бражкина за работу по сплаву леса пять рублей. Долга ответчик не отрицал, но к миру склонить не удалось, поэтому решение было простым — взыскать 5 рублей с ответчика [8, л. 5—7]. В семейных спорах за отсутствие между сторонами взаимопонимания и прощения служители правосудия применяли обоюдное наказание. Так, крестьянин Андрей Кучимов заявил суду об избиении его братом Яковом. После изучения этой родственной ссоры блюстители законности предложили сторонам примириться, но получили отказ, за что обоих братьев приговорили к пяти дням общественных работ [9, л. 21—22]. В результате судьи предлагали примириться тяжущимся только в качестве простой формальности, без которой недовольная сторона могла использовать этот факт в качестве повода к кассации приговора, так как «несклонение волостным судом тяжущихся к примирению составляет повод к отмене решения суда» [15, с. 168].

Большое внимание волостные судьи уделяли защите старшего поколения, например, родителей, испытывавших нужду или насилие со стороны своих молодых родственников. Крестьянский мир исходил из принципа, что «ни один родитель на своих детей напрасно производить жалобу не станет», поэтому в случае обращения отцов или матерей в волостной суд 1860 — начала 1870-х гг. сыновей наказывали розгами, а женщин — арестом до семи дней [38, с. 167]. Подобные семейные дела столетиями рассматривали в патриархальной крестьянской среде без особых разбирательств: «Лаконичные записи о таких наказаниях не объясняют причин, вызывавших проступки младших членов семей. Похоже, что сходы и общинные правления не считали особо нужным вникать в эти причины, а тем более анализировать поведение глав семей» [1, с. 295]. Из-за слишком сурового обращения старшего поколения с младшим, возможно, отношения между родителями и детьми в крестьянских семьях не всегда носили мирный характер. Так, священник П. Кыштымов сообщал в 1861 г. из Шадринского уезда Пермской губернии, что «дети мало питают любви к родителям, только один страх, наводимый на них, держит их во внешнем почтении», при этом многовековая традиция соблюдалась и «престарелые родители призываются у детей своих» [22, с. 53].

Несмотря на исследования некоторых современных ученых, в которых они приходят к дискуссионным выводам о конфликтности дуалистического характера правовой системы пореформенной России, где «традиционалистское обычное право фактически противоречило позитивному» [19, с. 19], в вопросе защиты старшего поколения от противоправных действий молодых родственников нормы обычного права полностью совпадали с законами, закрепленными в судебных уставах: «За упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки дети по требованию родителей, без особого судебного рассмотрения, подвергаются заключению в смиренном доме на время от двух до четырех месяцев» [39, с. 523].

В Чусовском волостном суде в 1885 и 1892 гг. возникали обоюдные жалобы родителей и их взрослых детей, но суд всегда вставал на сторону стариков, независимо от гендерных различий. Так, запасной рядовой Яков Красных заявил волостному суду, что брат его — Семен Красных и мать Улита Ивановна не дают ему пользоваться кузницей и инструментами, поэтому и просил «кузницу от них отобрать и предоставить в его распоряжение». Суд принял однозначное решение в пользу матери: «Предоставить кузницу со всем инструментом в распоряжение Улиты Ивановны Красных, так как она построена покойным ее мужем, а рядовому Якову Красных в иске о кузнице и инструментах от-

казать» [10, л. 71 об. — 72]. Одновременно крестьянка Настасья Дмитриевна Пелькова обратилась с жалобой на родного сына — Степана Семеновича, сильно уклонившегося в пьянство: «Пропивает последнее имущество». Поэтому она и просила «сына ее за означенный поступок подвергнуть ответственности». Судьи сразу «оштрафовали» нерадивого крестьянина десятью ударами розог. За идентичный поступок по обращению матери Степаниды Шадринной наказали пятнадцатью ударами розог ее сына — крестьянина Кирилла Шадрин [10, л. 25 об. — 26, 48 об. — 49].

В 1892 г. крестьянин Иван Шадрин заявил, что дочь его Мария Ивановна Смородина с мужем своим Василием, живущие у него в доме, постоянно притесняют его с женой: «Не дают хлеба и наносят оскорбления. Просит привлечь Смородиных к ответственности», которые себя виновными не признали. При разборе дела судом выяснилось, что ответчики «от своих стариков отобрали почти всю домашнюю утварь, держат их настолько плохо, что даже позволяют запирают хлеб, необходимый для пропитания». Естественно, волостной суд приговорил Василия Смородина подвергнуть аресту на два дня, а Марию Смородину — заключить под стражу на четверо суток и обязал их выдавать Ивану Шадрину с женой на пропитание по три пуда муки ежемесячно [9, л. 52—53].

При этом у старшего поколения порой было довольно расчетливое и даже утилитарное отношение к своим детям. Так, крестьянин Егор Некрасов «заметил» волостному суду, что сын его Михайло в ноябре 1884 г. попросил у него прощения и вернулся в родной дом. В январе 1885 г. родитель женил своего сына, который со своей женой «ели его хлеб», но через месяц молодые покинули домашний очаг, поэтому родной батюшка попросил судей «взамен употребленного на содержание хлеба взыскать с сына Михайло муки ржаной шесть пудов». Сбежавший молодежен пояснил, что просто не смог жить со сварливой мачехой Ириной. В итоге с ответчика взыскали три рубля, а истца обязали вернуть все вещи, принадлежавшие сыну [10, л. 20 об. — 22].

Анализ содержания протоколов Чусовского волостного суда по участию крестьянок в деревенском судопроизводстве коррелирует с выводами В. Б. Безгина, который на основе исследования записей решений волостных судов губерний Центрального Черноземья Российской империи определил, что «в 60-е годы XIX — начале XX века сельские жительницы не только осознавали свои права, но и были готовы отстаивать свои интересы посредством судебного разбирательства» [4, с. 53]. В Чусовском волостном суде Пермской губернии только в 1885 г. из 105 судебных дел в 25 процессах (24%) фигурировала крестьянка в качестве истца, ответчика или свидетеля. Причем сравнительно часто женщины судились между собой: в шести процессах крестьянки обвиняли друг друга в мелких кражах и взаимных обидах. Если за воровство наказывали общественными работами или арестом (обычно до трех дней) только провинившуюся сторону, то за жалобы на обиды во всех трех выявленных случаях наказали обе стороны [10, л. 2—3, 31 об. — 32, 46 об. — 48, 56 об. — 57, 59 об. — 60, 69 об. — 70]. Крестьянка Анна Голубцова заявила волостному суду, что свекровь ее Ефимия Голубцова «постоянно наносит ей оскорбления словами и делами и выгоняет из дома». Ответчица не признала вину и пожаловалась на истицу, что «она ей наносит оскорбления». За обоюдную ссору судьи наказали женщин: Анну Голубцову — на три дня общественных работ, а Ефимию Голубцову — на три дня ареста при волостном правлении [10, л. 69 об. — 70]. Видимо, этими решениями волостные судьи пытались приучить крестьянок искать взаимного согласия и не выносить «сор из избы».

В семейных разладах между мужем и женой чусовские волостные судьи старались занимать такую же объективную позицию и исходили из принципа обоюдной вины в конфликте. Часто современники отмечали специфические особенности обычного права,

которые проявлялись в решениях волостных судов не только в приоритете общинных интересов над частными, но и в принципе равного возмещения или «грех пополам» [19, с. 8]. Поэтому и наказания за обиды супруги получали совместные. В октябре 1885 г. крестьянка Акулина Борщева заявила волостному суду на мужа Петра, который «наносит ей постоянно обиды словами и действиями, поэтому просит подвергнуть его ответственности». Муж дал объяснение, что «действительно нанес два удара по лицу за то, что она нисколько его не послушается и наносит оскорбления». За это оба супруга подверглись наказанию: Петр — десяти ударам розог, а Акулина — трехдневному аресту при волостном правлении [10, л. 68 об. — 69]. Несмотря на патриархальные отношения в крестьянских семьях, бывали исключительные случаи, когда сам мужчина не мог найти управы на свою строптивую вторую половину. Так, Яков Пьянков заявил волостному суду на жену Наталью, наносившую «ему постоянные оскорбления разными неприличными оскорблениями». Женщину подвергли аресту на три дня при волостном правлении [10, л. 74 об. — 75]. К сожалению, неизвестно, насколько сильно повлияло подобное наказание на крестьянку, которая, вероятно, смогла просто отдохнуть несколько дней от постоянных домашних забот.

В целом Чусовской волостной суд, руководствуясь нормами обычного права, стоял на защите женских интересов. В большинстве имущественных дел за 1885, 1891—1892 гг. судьи принимали решения в пользу крестьянок: из 12 имущественных дел только дважды женщины проиграли в волостном суде. Так, в декабре 1891 г. судьи поддержали иски крестьянской девицы Елизаветы Кричковой против родного брата Семена по взысканию с него средств за проданных и принадлежащих ей быка и конюшню [8, л. 2]. В августе 1892 г. судьи отказали в иске «по бездоказательности» крестьянину Тимофею Бобрикову против Александры Бобриковой из-за присвоения шести рублей, но поддержали иск крестьянской девицы Зиновьи Крутиковой против Ивана Едигеева за сделанную работу в сумме 3 руб. 40 коп. [9, л. 7—8]. Часто крестьянки обращались в суд по простым взысканиям долгов с мужчин, волостные судьи всегда считали такие жалобы справедливыми и принимали решения в пользу займодавцев [10, л. 40 об. — 42, 54 об. — 55; 9, л. 22—23]. Женское имущество защищалось обычным правом даже после смерти владелицы. В 1885 г. чусовские волостные судьи приняли решение передать от мужа приданое умершей крестьянки ее отцу, «так как у дочери не было детей» [10, л. 76 об. — 77].

Иногда неурегулированные договорные отношения становились для крестьянок поводом к обращению в волостной суд уже по проступкам. Например, Анна Бажина в ноябре 1892 г. заявила волостному суду, что по договору крестьянин Евстафий Бабушкин обязался доставить ей сруб на избу, но, получив задаток шесть рублей, договора не исполнил, поэтому истица просила взыскать с Бабушкина не только переданные деньги, но и подвергнуть его ответственности за мошенничество. Просьба женщины была удовлетворена в полном объеме [9, л. 45—46]. Судьи довольно объективно подходили и к разрешению имущественных споров между представительницами слабого пола. Например, в декабре 1891 г. рассматривался иск золовки Марии Онисиной к невестке Евдокии Онисиной, которая якобы незаконно получила флигель по наследству. При разборе дела истица призналась, что этот флигель находился в пользовании Евдокии и ее матери в течение 11 лет, поэтому суд счел справедливым оставить собственность невестке и отказал Марии в иске против родственницы [8, л. 11 об. — 12].

Волостной суд применял строгие наказания в отношении мужчин, совершивших кражу у женщин. Так, в октябре 1892 г. рассматривалось дело крестьянина Василия Баянова, который «тайно похитил медных денег около двух рублей», яйца, чай и др. у крестьянки Александры Кузнецовой. Служители сельской Фемиды решили не только взыскать с вора

полную стоимость украденных вещей в размере 4 руб. 90 коп., но и присудили ему 20 ударов розог — максимально возможное телесное наказание. Одновременно эти же волостные судьи за кражу льна у Дарьи Субботиной «оштрафовали» крестьянку Соломею Третьякову на два дня общественных работ, хотя максимально возможное наказание для женщин — семидневный арест при волостном правлении или шестидневные общественные работы. Однако за «присвоение» серебряных часов у пьяного крестьянина Петра Цивилева стоимостью 30 руб. не признавшую вину крестьянку Анну Чулкову не только осудили на шестидневный арест, но и взыскали с нее полную стоимость дорогой вещи [9, л. 30—31, 34—35, 38—39].

Служители крестьянской Фемиды иногда закрывали глаза на некоторые действия женщин против мужчин в конфликтных ситуациях, но для судей однозначным виновником был представитель именно сильного пола. Так, крестьянская девица Прасковья Овчинникова пожаловалась на крестьянина Прокопия Масленникова на нанесение «обиды словами и действиями». Ответчик пояснил, что оттолкнул от себя Овчинникову за то, что последняя «плевала ему в глаза». Девица осталась ненаказанной, а молодому человеку пришлось заплатить 3 руб. штрафа в пользу мирского капитала [10, л. 72 об. — 73]. В результате крестьянки не стеснялись самостоятельно обращаться в волостной суд, использовали все возможности для отстаивания собственных интересов как в процессах друг против друга, так и в делах с сильным полом.

В отличие от судебных решений начала 1870-х гг. волостных судей восточных уездов Пермской губернии, где за половину проступков крестьянам присуждали розги [29], чусовские волостные судьи середины 1880-х и начала 1890-х гг. реже применяли телесное наказание, считая его «самым строгим», определенным ст. 533 сельского судебного устава: «Виновные в воровстве-краже и воровстве-мошенничестве, когда цена похищенного или присвоенного обманом не превышает тридцати рублей и когда сие учинено в первый или второй раз, без всяких увеличивающих вину обстоятельств, наказываются розгами; похищенное же имущество возвращается хозяину. А в случае неотыскания его в продолжении двух лет обращается в пользу хозяйственного капитала» [8, л. 8 об. — 10; 40, с. 89]. По мнению известного этнографа В. Н. Тенишева, сами крестьяне признавали розги «наиболее тяжким наказанием» из всех налагаемых волостным судом, но не из-за физического насилия, а ввиду их «позорности» [36, с. 188].

В 1885 г. 16 дел (35%) было завершено телесным наказанием за проступки сильно пьющих крестьян, злостных неплательщиков повинностей и податей, не раскаявшихся воров и обидчиков женщин. Это «строгое» наказание практически не применялось за мелкое воровство. Лишь в двух случаях преступники были наказаны розгами за «увоз» сена и леса, но, например, за кражу барана с виновного деятеля крестьянской Фемиды потребовали оплатить пострадавшей стороне стоимость барана и присудили шесть дней общественных работ, а украденная заслонка из овина¹ обошлась ответчикам только «штрафом в пользу мирского капитала» [10, л. 75 об. — 76, 78 об. — 80].

В одном и том же решении волостные судьи могли сочетать розги, арест и общественные работы для разных ответчиков. Так, сельский староста Лазаревского общества заявил волостному суду о «частовременном пьянстве» двоих односельцев — А. В. Бабина и П. И. Черепанова. Первому из них судьи определили телесное наказание, а второму — всего два дня общественных работ. За обоюдные ссоры в семье мужчину могли наказывать 10 ударами розог, а жену — арестом при волостном правлении на три дня [10, л. 7—8, 68 об. — 69]. Среди этих постановлений был один случай замены телесного наказания пятидневными общественными работами: «По решению волостного суда от

¹ Овин — строение для сушки снопов перед молотьюбой.

30 января сего года под № 8 крестьянин Александр Васильевич Бабин за пьянство приговорен оштрафованию розгами, 20 ударам, но по медицинскому осмотру Бабин к этому наказанию оказался неспособным» [10, л. 86—87]. В этом случае чусовские волостные судьи самостоятельно пересмотрели степень наказания ответчика в соответствии с постановлением Правительствующего сената, который, руководствуясь общеизвестным делом «О замене телесного приговора для крестьянина, перечислившегося в мещане», пришел к выводу, что «замена наложенного волостным судом наказания в случаях невозможности исполнения его другим, из числа указанных в 102 ст. общего положения, принадлежит самому волостному суду, постановившему приговор о наложении наказания» [16, с. 125]. Иногда вопросами отмены телесного наказания занимались и кассационные инстанции. Так, в 1878 г. Камышловско-Ирбитский съезд мировых посредников отменил решение местного волостного суда о наказании крестьянина Виктора Бузина 20 ударами розог, так как ответчик представил заключение земского врача об «имеющейся у него паховой грыже» [2, с. 131].

В начале 1890-х гг. в этой же волости из проанализированных 31 случая разбираемых волостными судами проступков дважды (6,4%) ответчиков оправдали и присудили к штрафу «в пользу мирского капитала», четыре дела (12,9%) закончились арестом при волостном правлении, девять раз (29,0%) ответчиков «штрафовали» розгами и 16 дел (51,6%) закончились направлением на «общественные работы».

Таким образом, количество решений с телесными наказаниями постепенно снижалось. Если в 1863 г. специальная комиссия при государственной канцелярии для начертания проектов законоположений о преобразовании судебной части признала, что «некоторые волостные суды увлекаются правом телесного наказания» [24, л. 22] и в начале 1870-х гг. около половины всех проступков заканчивалось применением волостными судьями таких наказаний, то к началу 1890-х эта цифра уменьшилась до 30%, а лидером в наказаниях стали «общественные работы», не так сильно унижавшие крестьянскую личность. После введения института земских начальников¹ произошло существенное снижение решений с применением телесных наказаний: «Употреблялось телесное наказание вообще очень редко — лишь в единичных случаях и каждый раз с разрешения земского начальника. Так было, по крайней мере, в девяностых годах. Многие земские начальники вообще не разрешали приводить к исполнению приговоры о телесном наказании, всегда заменяя его арестом, на что им было предоставлено по закону право» [36, с. 188]. Это же положение подтверждается современными исследованиями волостного суда в отдельных губерниях. Так, к началу XX века волостные судьи Казанской губернии назначали всего 4,5% телесных приговоров [33, с. 19].

Отличительной чертой работы чусовских волостных судей за 1885 г. стало заметное количество жалоб по проступкам местных крестьян от сельских старост разных сельских обществ, заседателя волостного правления и даже кандидата чусовского волостного старшины. Анализ этих судебных процессов показывает большой объем административно-фискальных функций сельской общины на Урале, интегрированной в систему государственного управления [34, с. 386—387]. Всего нами выявлено 18 (40% от общего числа проступков) дел о «неявке» в волостное правление, «сильном уклонении» в пьянство, «ведении жизни развратной», «расстройстве» своего домохозяйства, «отлучке с места жительства без письменного вида», «неплатежах долга» и «недоимке», «уклонении», «недоплате» податей и повинностей, «заочном оскорблении пристава», «нарушении ти-

¹ Введение института земских начальников началось с реформы 12 июля 1889 г. В Пермской губернии эта реформа была проведена 1 сентября 1893 г.

шины и порядка». В девяти случаях (50% от всех обращений) по этим жалобам было применено телесное наказание до 20 ударов розог [10, л. 1—92].

М. А. Гордеева на материалах Томской губернии похожие судебные случаи связала с «ослаблением традиционных механизмов крестьянского самоуправления», так как «практика обращения сельских обществ в суд в борьбе против членов собственных обществ наглядно демонстрирует разделение на “крестьян” и “начальство”, где каждый выступает сам по себе» [12, с. 23]. По нашему мнению, этот процесс также показывает попытку общины в лице старост и старшин не только регулировать сферу традиционных форм поведения, а также ориентацию на рациональный подход к хозяйствованию и уплате налогов, но и проявлять свои жесткие административно-управленческие функции.

Подобные дела рассматривались крестьянскими судьями, несмотря на то что по закону волостным старшинам и старостам предоставлялось право «за маловажные проступки... подвергать виновных назначению на общественные работы до двух дней или денежному, в пользу мирских сумм, взысканию до одного рубля, или аресту не более двух дней» [26, с. 151, 154]. Видимо, в крестьянской среде решения коллективного волостного суда считались более легитимными, «умудренные жизненным опытом судьи вызывали большее доверие» [17, с. 17], нежели единоличные постановления руководителей сельских обществ и волостей. К тому же избранные судьи могли применять к нарушителям более суровые наказания, например телесные.

Некоторые жалобы были просто незаконными. Только в феврале — марте 1885 г. трое сельских старост обратились в Чусовской волостной суд с просьбой наказания злостных неплательщиков податей и повинностей. Так, сельский староста Николай Макушин заявил волостному суду, что «крестьянин Иван Южаков следующую с него податную недоимку 8 руб. 99 коп. не платит, отзываясь, что она следует с особо живущего сына его Дмитрия», сельский староста Яков Черепанов пожаловался в волостной суд на крестьянина Ивана Черепанова и его зятя Егора Боброва, которые тоже уклонялись от податей и повинностей, и наконец, сельский староста Дмитрий Субботин обратил внимание волостных судей, что крестьянин Василий Котков «от платежа податей и других повинностей совершенно уклоняется без всяких уважительных причин», и просил обязать Коткова к скорейшей уплате повинностей [10, л. 8—10, 17 об. — 18]. Такие просьбы представителей сельского самоуправления судьи не оставляли без внимания и принимали решения о скорейшей выплате должниками всех недоимок, хотя это вообще не соответствовало принципам действовавшего законодательства, так как «принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок» относилось к компетенции сельского схода, собиравшегося из крестьян-домохозяев сельского общества. Причем сельский сход был связан круговой порукой и имел довольно большой спектр механизмов по принуждению неисправных плательщиков к взысканию казенных и мирских повинностей: от направления на заработки крестьянина до продажи его личного недвижимого имущества [26, с. 167].

Подобные нарушения происходили еще в 1870-х гг. в разных регионах Российской империи и были занесены в сборник постановлений Правительствующего сената с однозначной формулировкой: «Дела о взыскании недоимок в платеже повинностей подведены сельскому сходу, а не волостному суду» [15, с. 114]. Из-за неграмотности судей, их постоянного переизбрания, отсутствия системы обучения и повышения квалификации служителей крестьянской Фемиды происходило повторение предыдущих ошибок и, как следствие, нарушение закона, которое фактически оставалось без какого-либо порицания для самих представителей волостной юстиции.

Однако большую часть крестьянского населения устраивали решения волостного суда, так как в 1885 г. всего 9 (8,5%) приговоров из 105 было отправлено на пересмотр

в кассационную инстанцию — Пермское уездное по крестьянским делам присутствие. Возможно, из-за «рублевого» дела с незначительным наказанием многие сельские жители предпочитали не связываться с дальнейшими разбирательствами по судебным делам, так как процедура кассационного обжалования обходилась истцам и ответчикам дороже, чем присужденная судьями сумма: «Если будет жаловаться, то надо на прошение марки и за писание уплатить, а потом, кто знает, оправдают ли еще, поэтому он и решился покориться воле суда» [25, с. 19].

Так, на пересмотр крестьяне-ответчики отправили дела об овсе, съеденном лошадьми на 20 руб., деньгах за сплав по рекам леса в размере 17 руб. 28 коп. и 86 руб., назначении телесного взыскания «за непредоставление к торгам имущества», «оштрафовании» на четыре дня ареста при волостном правлении за «выбитие оконниц» в доме крестьянина Петра Гуляева и отказе в разборе дела о передаче 150 руб. крестьянке Настасье Ладкиной [10, л. 3—4, 5 об. — 6, 14 об. — 15, 45 об. — 46, 53 об. — 54, 66 об. — 68]. В основном все эти процессы касались значительных денежных сумм, за которые тяжущиеся готовы были «сражаться» в вышестоящих уездных и губернских органах административной и судебной власти, но члены по крестьянским делам присутствий предпочитали не вмешиваться в отправление правосудия волостными судами, разрешавшими споры на основе обычного права. Такое положение вызывало значительную критику со стороны современников, требовавших вместо «свободы» волостных судов с их некоторой зависимостью «от бестолкового, малопонятного для крестьян учреждения — уездного по крестьянским делам присутствия» только «твердого устройства и крепкой, разумной, близкой власти» [6, с. 14—15; 7, с. 521].

В некоторых случаях Пермское уездное по крестьянским делам присутствие, пользуясь кассационным правом, отменяло незаконные решения волостных судов. Так, из 105 дел за 1885 г. было «ликвидировано» всего три решения (2%) Чусовского волостного суда, которые были связаны с жалобами сельских старост и кандидата волостного старшины на действия местных крестьян: 1) староста Яков Черепанов передал на обсуждение волостного суда протокол о нарушении тишины и порядка во время сельского схода на семерых крестьян, которые «сильно кричали и обращались к сельскому старосте с азартом и вопросами для них не касающимися»; 2) староста Семен Некрасов «заметил» волостному суду, что крестьянин Иван Правихин «сильно уклонился в пьянство, не уплачивает подати и повинности, поэтому и просит Правихина побудить уплатить подати и за поступки подвергнуть ответственности»; 3) наказание крестьянина Григория Быкова за оскорбление кандидата Чусовского волостного старшины Степана Орлова [10, л. 1—2, 11 об. — 13, 65 об. — 66]. Все эти случаи в соответствии с законодательством должны были рассматриваться либо на сельском сходе [26, с. 167], либо в мировом суде, либо в общих судебных учреждениях: «Тем же взысканиям подвергаются виновные в оскорблении должностных лиц волостного и сельского управлений во время отправления ими служебных обязанностей, за исключением однако волостных старшин и лиц, занимающих соответственные должности, за оскорбление которых наказания определяются виновным общими судебными местами» [35, с. 27]. Видимо, подобных нарушений было значительное количество по всей России, поэтому Правительствующий сенат еще раз обратил внимание, что «дела о неповиновении волостному и сельскому начальству и об оскорблении его подсудны не волостному суду, а мировому судье на основании 30 ст. Уст. о наказ. налаг. мир. судьями» [15, с. 117]. Этих проблем удалось бы избежать, если бы существовала взаимосвязь мировой и волостной юстиций [28].

В некоторых случаях Чусовской волостной суд по почти одинаковым делам принимал противоположные решения. Например, в июле 1885 г. крестьянин Михайло Некра-

сов заявил волостному суду, что «он по весне сего года купил для посева у крестьянина Александра Дербенева пшеницы три пуда по 1 руб. 50 коп., которую Дербенев продает за рослую, но по посеве пшеница не уродилась», поэтому истец просил взыскать не только за купленный семенной фонд, но и за работу по обработке земли — всего 10 руб. Ответчик пояснил, что он не знает, «от чего пшеница оказалась не рослой». В итоге просьба заявителя была удовлетворена в полном объеме. В октябре 1885 г. Ларион Красных обратился в суд для взыскания долга с Григория Быкова, последний объяснил, «что он действительно состоит должником Лариону Красных за купленный ячмень 5 руб. 50 коп., но не платит потому, что он продал ячмень на семена за рослый, а ячмень не вырос». Судьи не стали разбираться в причинах неуплаты денежных средств, а просто решили в пользу истца [10, л. 44 об. — 45, 65 об. — 66]. Причем подобные приговоры выносил одинаковый состав судей — Михай Зелгин, Алексей Юрганов и Иван Кожевников, однако в последнем судебном процессе еще участвовал волостной судья Михайло Красных, но был ли он родственником истцу или только однофамильцем — неизвестно.

Заключение

Таким образом, с помощью микроанализа в статье исследована повседневная судебная деятельность Чусовского волостного суда. В середине 1880-х и начале 1890-х гг. он рассматривал от 105 до 175 дел ежегодно с тенденцией на увеличение количества судебных процессов. В этот период выявлены постоянные составы судей, включавшие обычно трех избранных крестьян, действовавших на протяжении одного года и рассматривавших от 72 до 91% имущественных исков и дел о крестьянских проступках. При этом работала и другая тройка судей, дополнявшая основной состав служителей сельской Фемиды в случаях отсутствия возможности осуществления ими правосудия. Они рассматривали от 4 до 28% всех исковых заявлений. В целом избранные блюстители крестьянского правосудия решали дела в любое время года и работали непрерывно на основе традиций и норм обычного права. В начале 1890-х гг. наблюдались некоторые попытки судей обосновать принятые постановления с опорой на письменное законодательство. В судебных процессах деревенские блюстители правопорядка были обязаны предлагать тяжущимся примирение, однако зачастую этот «обряд» превращался в простую формальность. В семейных спорах о защите старшего поколения нормы традиционной крестьянской жизни совпадали с «писанным» правом и полностью защищали родителей, причем сами представители старшего поколения относились к своим детям довольно утилитарно, требуя иногда погашения расходов за проживание в отчем доме.

Женщины часто использовали волостной суд для достижения собственных интересов. Около четверти от всех дел составляли женские судебные споры. Сельчанок не могли наказывать телесно, поэтому основные взыскания составляли общественные работы и арест при волостном правлении. Жалобы слабого пола об обидах на мужей или других крестьянок в некоторых случаях приводили к обоюдному наказанию и истиц, и ответчиков. Нормой «грех пополам» крестьянский «мир» прививал ценности взаимопонимания, бесконфликтности и дружбы, иначе наступало наказание для всех сторон. В исключительных случаях сами мужья могли обратиться в суд за «оштрафованием» строптивых жен, надеясь на помощь однодеревенцев в урегулировании конфликтов. В имущественных вопросах на стороне крестьянок стоял волостной суд, который принимал решения в их пользу, строго наказывая мужчин, покусившихся на собственность прекрасного пола.

За проступки волостные судьи наказывали крестьян денежными штрафами в пользу мирского капитала, общественными работами, арестом и розгами. Телесное взыскание считалось самым строгим из-за «позорности» для обвиняемого, но в рассматриваемый период постепенно снижалось количество таких приговоров, возможно, в том числе и за

счет значительного числа мелких проступков, совершенных женщинами, в отношении которых не применялась порка. В исключительных случаях, например по медицинским показаниям, судьи могли пересмотреть собственное решение о наказании крестьян и заменить удары розог на общественные работы или арест при волостном правлении.

В середине 1880-х гг. в Чусовском волостном суде часто появлялись жалобы представителей сельского и волостного самоуправления на мелкие проступки крестьян, которые в основном заключались в пьянстве, «расстройстве собственного хозяйства», неуплате податей и повинностей. Односельчан присуждали к общественным работам, арестам, но в большинстве случаев — телесным наказаниям. Эти решения были незаконными, так как на основе Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и Судебных уставов 1864 г. такие проблемы разрешались только на сельских сходах или в мировых судах.

Несмотря на явные нарушения, волостные судьи не получали никаких порицаний со стороны кассационной инстанции — Пермского уездного по крестьянским делам присутствия, которое отменило за год всего три дела. Подобные результаты показывают своеобразную «политику невмешательства» в дела волостных судов, имевших широкие права по трактовке не только традиционных норм обычного права, но и фактически превышали собственную власть в рамках действовавшего законодательства.

Список источников

1. Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М. : Наука, 1976. 323 с.
2. Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А. История местного самоуправления на Урале в XVIII — начале XX в.: город, село, деревня. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. 147 с.
3. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М. ; Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. 304 с.
4. Безгин В. Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М. : Ломоносов, 2017. 248 с.
5. Боголюбова С. Н. Повседневность: феномен неявного знания : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 23 с.
6. Волостной суд. М. : Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1883. 26 с.
7. Галкин-Враский Н. Об уездном самоуправлении // Юридический вестник. 1881. № 3. С. 505—524.
8. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 224. Оп. 1. Д. 16.
9. ГАПК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 18.
10. ГАПК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 173.
11. Гермашев А. А. Повседневная жизнь деревни Нижне-Волжского края во второй половине 1920-х годов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. 19 с.
12. Гордеева М. А. Органы крестьянского самоуправления в Томской губернии (1898—1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2019. 30 с.
13. Давыдов Д. В. Культура крестьянской повседневности 1920-х годов: по материалам ТАССР : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2012. 39 с.
14. Давыдова Е. А. Властные отношения в семейно-родственных коллективах оленных чукчей: по материалам XIX — первой половины XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 23 с.
15. Данилов И. Г. Сборник решений Первого департамента Правительствующего сената по крестьянским делам, с приведением положений, извлеченных из означенных решений. 1862—1879. СПб., 1880. 411 с.
16. Данилов И. Г. Сборник решений Первого департамента Правительствующего сената по крестьянским делам, с приведением положений, извлеченных из означенных решений. 1879—1882 (по 25 мая). СПб., 1885. 319 с.
17. Ерин П. В. Сельское правосудие и местное самоуправление русских крестьян в конце XIX — начале XX века (на материалах Тамбовской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. 22 с.
18. Карлсон Ю. В. Методологические особенности исследования повседневности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 37—44.

19. Кирилин А. В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 23 с.
20. Крестьянские волостные суды // Русский вестник. 1862. Т. 41. С. 357—371.
21. Круглов Д. Н. Повседневность как предмет философской рефлексии : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1996. 20 с.
22. Кыштымов П. Этнографические сведения о жителях Пермской губернии, Шадринского уезда, Песчанского сельского общества, Верхтеченской волости // Шадринская старина. 1998 : краевед. альманах. Шадринск, 1998. С. 49—58.
23. Литвин Ю. В. Повседневная жизнь карельской крестьянки во второй половине XIX — начале XX века: социокультурный статус и гендерные роли : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. 24 с.
24. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 290. П. 22. Д. 2.
25. Пермские губернские ведомости. 1882. № 4.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36, ч. 1. № 36657.
27. Полякова И. П. Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. 45 с.
28. Попп И. А. Проблема взаимосвязанности структуры местного суда в 1860—1880-х гг. // История государства и права. 2013. № 3. С. 39—43.
29. Попп И. А., Давлетбаева Д. Н., Зиннатуллина З. Р. Микроисторический анализ деятельности судей Ключевского волостного правления Ирбитского уезда Пермской губернии в 1873 г. // Вопросы истории. 2021. № 6-1. С. 153—162.
30. Садырова М. Ю. Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX — первой трети XX в. (По материалам Пензенской и Саратовской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 19 с.
31. Салагаева Е. С. Идеологическая повседневность: социально-философский концепт и проявление в социокультурной реальности российского общества : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 57 с.
32. Скоробогатый П. Устройство крестьянских судов. Обычные формы крестьянского суда. Устройство волостных судов. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1880. 68 с.
33. Скуратова И. Н. Право и обычаи в регулировании деятельности волостных судов Российской империи: на примере волостного суда Казанской губернии 1861—1917 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 21 с.
34. Степанов В. Л. Государственная власть и община во второй половине XIX — начале XX в. // Система государственного феодализма в России : сб. ст. М. : Ин-т рус. истории РАН, 1993. Вып. 2. С. 369—387.
35. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. 4. СПб., 1867. [3], II, IV, 201 с.
36. Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту. М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2010. 196 с.
37. Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту. Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева. Брянск : Тип. Л. И. Итина и К°, 1907. [2], 192, IV с.
38. Труды Комиссии по преобразованию волостных судов: (Словес. опросы крестьян, письм. отзывы различ. мест и лиц и решения: волост. судов, съездов мировых посредников и губ. по крестьян. делам присутствий). Т. 2 : Владимирская и Московская губернии. СПб., 1873. 4, 670 с.
39. Уголовные законы (XV том Свода законов) и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Доп. и испр. всеми новейшими узаконениями и решениями кассац. деп. Сената по 1875 г. М. : Тип. Индрих, 1876. [1], VIII, III, 701 с.
40. Устав сельский судебный для государственных крестьян Устава о благоустройстве в казенных селениях // Свод законов Российской империи. СПб. : Тип. Второго Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1857. Т. 12, ч. 2. С. 62—102.
41. Щербинин П. В. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 47 с.

References

1. Aleksandrov V. A. *Sel'skaya obshchina v Rossii (XVII — nachalo XIX v.)* [Rural community in Russia (XVII — early XIX century)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 323 p. (In Russian)
2. Apkarimova E. Yu., Golikova S. V., Minenko N. A. *Istoriya mestnogo samoupravleniya na Urale v XVIII — nachale XX v.: gorod, selo, derevnya* [The history of local self-government in the Urals in the 18 — early 20th centuries: city, rural community, village]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii Publ., 1999. 147 p. (In Russian)

3. Bezgin V. B. *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX — nachala XX veka)* [Peasant everyday life (traditions of the late XIX — early XX century)]. Moscow, Tambov, Tamb. gos. tekhn. un-t Publ., 2004. 304 p. (In Russian)
4. Bezgin V. B. *Povsednevnyi mir russkoi krest'yanki perioda pozdnei imperii* [The everyday world of a Russian peasant woman in the late empire]. Moscow, Lomonosov Publ., 2017. 248 p. (In Russian)
5. Bogolyubova S. N. *Povsednevnost': fenomen neyavnogo znaniya: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Everyday life: the phenomenon of implicit knowledge. Abstr. Cand. Dis.]. Rostov-on-Don, 2009. 23 p. (In Russian)
6. *Volostnoi sud* [Volost court]. Moscow, Tip. M. N. Lavrova i Ko Publ., 1883. 26 p. (In Russian)
7. Galkin-Vraskii N. *Ob uezdnom samoupravlenii* [About the provincial self-government]. *Yuridicheskii vestnik*, 1881, no. 3, pp. 505—524. (In Russian)
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraja* [State Archive of the Perm Territory] (GAPK). F. 224. Op. 1. D. 16.
9. GAPK. F. 224. Op. 1. D. 18.
10. GAPK. F. 224. Op. 1. D. 173.
11. Germashev A. A. *Povsednevnyaya zhizn' derevni Nizhne-Volzhskego kraja vo vtoroi polovine 1920-kh godov: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Everyday life of a village in the Lower Volga region in the second half of the 1920s. Abstr. Cand. Dis.]. Saratov, 2009. 19 p. (In Russian)
12. Gordeeva M. A. *Organy krest'yanskogo samoupravleniya v Tomskoi gubernii (1898—1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Bodies of peasant self-government in the Tomsk province (1898—1917). Abstr. Cand. Dis.]. Novosibirsk, 2019. 30 p. (In Russian)
13. Davydov D. V. *Kul'tura krest'yanskoi povsednevnosti 1920-kh godov: po materialam TASSR: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The culture of peasant everyday life in the 1920s: based on the materials of the TASSR. Abstr. Dr. Dis.]. Kazan, 2012. 39 p. (In Russian)
14. Davydova E. A. *Vlastnye otnosheniya v semeino-rodstvennykh kollektivakh olennykh chukchei: po materialam XIX — pervoi poloviny XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Power relations in family-kindred collectives of reindeer Chukchi: based on the materials of the 19th — the first half of the 20th century. Abstr. Cand. Dis.]. St. Petersburg, 2015. 23 p. (In Russian)
15. Danilov I. G. *Sbornik reshenii Pervogo departamenta Pravitel'stvuyushchego senata po krest'yanskim delam, s privedeniem polozhenii, izvlechennykh iz oznachennykh reshenii. 1862—1879* [Collection of decisions of the First Department of the Governing Senate for Peasant Affairs, with provisions taken from the aforementioned decisions. 1862—1879]. St. Petersburg, 1880. 411 p. (In Russian)
16. Danilov I. G. *Sbornik reshenii Pervogo departamenta Pravitel'stvuyushchego senata po krest'yanskim delam, s privedeniem polozhenii, izvlechennykh iz oznachennykh reshenii. 1879—1882 (po 25 maya)* [Collection of decisions of the First Department of the Governing Senate for Peasant Affairs, with provisions taken from the aforementioned decisions. 1879—1882 (until May 25)]. St. Petersburg, 1885. 319 p. (In Russian)
17. Erin P. V. *Sel'skoe pravosudie i mestnoe samoupravlenie russkikh krest'yan v kontse XIX — nachale XX veka (na materialakh Tambovskoi gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Rural justice and local self-government of Russian peasants in the late XIX — early XX centuries (on the materials of the Tambov province). Abstr. Cand. Dis.]. Voronezh, 2013. 22 p. (In Russian)
18. Karlson Yu. V. *Metodologicheskie osobennosti issledovaniya povsednevnosti* [Methodological features of the study of everyday life]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2010, no. 1, pp. 37—44. (In Russian)
19. Kirilin A. V. *Krest'yanskoe obychnoe pravo v volostnykh sudakh i gosudarstvennaya politika poreformennoi Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Peasant customary law in the volost courts and the state policy of post-reform Russia. Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 2005. 23 p. (In Russian)
20. *Krest'yanskies volostnye sudy* [Peasant volost courts]. *Russkii vestnik*, 1862, vol. 41, pp. 357—371. (In Russian)
21. Kruglov D. N. *Povsednevnost' kak predmet filosofskoi refleksii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Everyday life as a subject of philosophical reflection. Abstr. Cand. Dis.]. St. Petersburg, 1996. 20 p. (In Russian)
22. Kyshtymov P. *Etnograficheskie svedeniya o zhitelyakh Permskoi gubernii, Shadrinskogo uezda, Peschanskogo sel'skogo obshchestva, Verkhtechenskoi volosti* [Ethnographic information about the inhabitants of the Perm province, Shadrinsk district, Peschansky rural society, Verkhtechenskaya volost]. *Shadrinskaya starina. 1998: kraeved. al'manakh* [Shadrinskaya starina. 1998. Local historian almanac]. Shadrinsk, 1998, pp. 49—58. (In Russian)
23. Litvin Yu. V. *Povsednevnyaya zhizn' karel'skoi krest'yanki vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka: sotsiokul'turnyi status i gendernye roli: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Everyday life of a Karelian peasant woman in the second half of the 19 — early 20th centuries: sociocultural status and gender roles. Abstr. Cand. Dis.]. St. Petersburg, 2013. 24 p. (In Russian)

24. *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 290. P. 22. D. 2. (In Russian)
25. *Permskie gubernskie vedomosti*, 1882, no. 4. (In Russian)
26. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 2* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collect. 2]. St. Petersburg, 1863, vol. 36, part 1, no. 36657. (In Russian)
27. Polyakova I. P. *Povsednevnost' v sotsial'no-filosofskom kontekste: teoretiko-metodologicheskii analiz: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Everyday life in the socio-philosophical context: theoretical and methodological analysis. Abstr. Dr. Dis.]. Moscow, 2011. 45 p. (In Russian)
28. Popp I. A. Problema vzaimosvyazannosti struktury mestnogo suda v 1860—1880-kh gg. [The problem of the interconnectedness of the structure of the local court in the 1860—1880s]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2013, no. 3, pp. 39—43. (In Russian)
29. Popp I. A., Davletbaeva D. N., Zinnatullina Z. R. Mikroistoricheskii analiz deyatelnosti sudei Klyuchevskogo volostnogo pravleniya Irbit'skogo uyezda Permskoi gubernii v 1873 g. [Microhistorical analysis of Klyuchevsky township judges' activities of the Irbit district of Perm province in 1873]. *Voprosy istorii*, 2021, no. 6-1, pp. 153—162. (In Russian)
30. Sadyrova M. Yu. *Religiya i tserkov' v povsednevnoi zhizni russkogo krest'yanstva v kontse XIX — pervoi treti XX v. (Po materialam Penzenskoi i Saratovskoi gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Religion and the Church in the Daily Life of the Russian Peasantry in the Late 19 — First Third of the 20th Centuries. (According to the materials of the Penza and Saratov provinces). Abstr. Cand. Dis.]. Samara, 2010. 19 p. (In Russian)
31. Salagaeva E. S. *Ideologicheskaya povsednevnost': sotsial'no-filosofskii kontsept i proyavlenie v sotsiokul'turnoi real'nosti rossiiskogo obshchestva: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Ideological everyday life: socio-philosophical concept and manifestation in the socio-cultural reality of Russian society. Abstr. Dr. Dis.]. Rostov-on-Don, 2015. 57 p. (In Russian)
32. Skorobogatyi P. *Ustroistvo krest'yanskikh sudov. Obychnye formy krest'yanskogo suda. Ustroistvo volostnykh sudov* [Peasant courts from within. The usual forms of the peasant court. Arrangement of volost courts]. Moscow, Tip. A. I. Mamontova i Ko Publ., 1880. 68 p. (In Russian)
33. Skuratova I. N. *Pravo i obychai v regulirovanii deyatelnosti volostnykh sudov Rossiiskoi imperii: na primere volostnogo suda Kazanskoi gubernii 1861—1917 gg.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Law and customs in regulating the activities of the volost courts of the Russian Empire: by the example of the volost court of the Kazan province in 1861—1917. Abstr. Cand. Dis.]. Vladimir, 2007. 21 p. (In Russian)
34. Stepanov V. L. Gosudarstvennaya vlast' i obshchina vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [State power and community in the second half of the 19 — early 20th centuries]. *Sistema gosudarstvennogo feodalizma v Rossii: sb. st.* [The system of state feudalism in Russia. Collect. of articles]. Moscow, In-t rus. istorii RAN Publ., 1993, is. 2, pp. 369—387. (In Russian)
35. *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany, izdannye Gosudarstvennoi kantselyariei. Ch. 4* [Judicial statutes of November 20, 1864, with a statement of the reasoning on which they are based, published by the State Chancellery. Part 4]. St. Petersburg, 1867. [3], II, IV, 201 p. (In Russian)
36. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian peasant life]. Moscow, URSS, LIBROKOM Publ., 2010. 196 p. (In Russian)
37. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu. Svod dannykh, dobytykh etnograficheskimi materialami pokoinogo knyazya V. N. Tenisheva* [Justice in Russian peasant life. Code of data obtained by ethnographic materials of the late Prince V. N. Tenishev]. Bryansk, Tip. L. I. Itina i Ko Publ., 1907. [2], 192, IV p. (In Russian)
38. *Trudy Komissii po preobrazovaniyu volostnykh sudov: (Sloves. oprosy krest'yan, pis'm. otzvyvy razlich. mest i lits i resheniya: volost. sudov, s'ezdov mirovykh posrednikov i gub. po krest'yan. delam prisutstvii). T. 2: Vladimirskaia i Moskovskaia gubernii* [Proceedings of the Commission for the Transformation of Volost Courts: (Speech surveys of peasants, written reviews of various places and persons and decisions: volost courts, congresses of peace mediators and provinces on peasant affairs). Vol. 2. Vladimir and Moscow provinces]. St. Petersburg, 1873. 4, 670 p. (In Russian)
39. *Ugolovnye zakony (XV tom Svoda zakonov) i Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami: Dop. i ispr. vsemi noveishimi uzakoneniyami i resheniyami kassats. dep. Senata po 1875 g.* [Criminal laws (XV volume of the Code of Laws) and the Charter on punishments imposed by magistrates. Add. and correct. all the latest legalizations and decisions of the cash registers. dep. of Senate by 1875]. Moscow, Tip. Indrikh Publ., 1876. [1], VIII, III, 701 p. (In Russian)
40. *Ustav sel'skii sudebnyi dlya gosudarstvennykh krest'yan Ustava o blagoustroistve v kazennykh seleniyakh* [Rural Judicial Charter for State Peasants of the Charter on Improvement in State-Owned Villages]. *Svod zakonov*

Rossiiskoi imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya sobstvennoi E.I.V. kantselyarii Publ., 1857, vol. 12, part 2, pp. 62—102. (In Russian)

41. Shcherbinin P. V. *Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII — nachale XX v.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The military factor in the daily life of a Russian woman in the 18 — early 20th centuries. Abstr. Dr. Dis.]. Moscow, 2005. 47 p. (In Russian)

Информация об авторе

И. А. Понн — кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

I. A. Popp — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 25.02.2023; одобрена после рецензирования 02.05.2023; принята к публикации 20.08.2023

The article was submitted 25.02.2023; approved after reviewing 02.05.2023; accepted for publication 20.08.2023